

RU

Деревня Воронежской губернии в первые годы советской власти: на пути социалистического строительства

Алексанян Н. А.

Аннотация. Целью исследования является описание процесса строительства социалистического уклада в деревне Воронежской губернии в первые годы советской власти (1917-1922). Большевики, придя к власти в октябре 1917 г., отменили частную собственность на землю и передали её в пользование крестьянам. С этим были крайне не согласны бывшие владельцы земли: помещики, кулаки, верхушка казачества, верхушка церковнослужителей, что с поддержкой извне (интервенция) привело к Гражданской войне. Все излишки продуктов крестьяне обязаны были сдавать государству, самостоятельная торговля была запрещена. Однако крестьяне нарушали запрет и сбывали продукты нелегальным продавцам или переводили на самогон, что выводило значительную долю продовольствия из общественного потребления и усугубляло голод. Единоличные хозяйства крестьян в общей массе своей были малоэффективны. Власть считала выходом для преодоления разрухи, обеспечения всех граждан продовольствием создание крупных коллективных социалистических хозяйств. Тем более что коллективные хозяйства соответствовали доктринальной установке социалистического общества, которое строили большевики. Однако социалистический уклад – это не только коллективные социалистические предприятия, но и готовность крестьян к самоорганизации, привычка ставить интересы государства выше своих помещичьих узкокорыстных интересов, т. е. жить и работать по-социалистически. Научная новизна заключается в том, что в ходе работы в научный оборот были введены неопубликованные источники, которые придают существующим представлениям, концепциям новые штрихи и нюансы, расширяют знания. В результате проведенного исследования установлено, что большевики активно вели пропаганду и агитацию по созданию коллективных хозяйств, предоставляли льготы и оказывали помощь таковым по мере возможности. При этом на крестьян не оказывали давления, чтобы не обострять и так существующее недовольство продовольственной политикой. Шла Гражданская война, и на тот момент приоритетной задачей большевиков было победить врагов, что без поддержки мирного населения достичь было бы сложно. Тяжелое хозяйственное положение приводило крестьян к пониманию необходимости поиска новых форм организации, создания коллективных хозяйств. Однако в силу разных причин это было осуществлено не в том масштабе, на который надеялись и рассчитывали большевики. Кроме того, предстояла большая работа среди крестьян по вооружению их социалистическими идеями, воспитанию чувства ответственности перед обществом, понимания важности приоритета общественных интересов над личностными.

EN

The Voronezh province countryside in the early years of Soviet power: on the path of socialist construction

N. A. Alexanyan

Abstract. The study aims to describe the process of establishing the socialist order in the villages of the Voronezh province during the early years of Soviet power (1917-1922). Upon coming to power in October 1917, the Bolsheviks abolished private land ownership and transferred land to peasant use. Former landowners – gentry, kulaks, Cossack elites, and senior clergy – strongly opposed this policy, which, with external support through foreign intervention, led to the Civil War. Peasants were required to surrender all surplus agricultural produce to the state, and private trade was prohibited. Nevertheless, peasants frequently evaded the ban, selling produce through illegal markets or using grain for bootleg alcohol, thereby diverting a substantial share of food from public consumption and worsening famine conditions. Individual peasant farms remained largely inefficient. The authorities viewed the creation of large collective socialist agricultural enterprises as the solution to economic collapse and food supply challenges, particularly as collective farms aligned with the doctrinal tenets of the socialist society the Bolsheviks sought to build. However, the socialist

order encompassed not only collective socialist enterprises but also the peasants' readiness for self-organization and their habituation to placing state interests above parochial self-interest – that is, living and working according to socialist principles. The scientific novelty lies in introducing unpublished archival sources into scholarly discourse, adding new nuances and perspectives to established historiographical concepts. The study demonstrates that the Bolsheviks actively conducted agitation and propaganda to foster collective farming, offering benefits and assistance where possible, while refraining from excessive direct pressure on the peasantry to avoid aggravating existing discontent with food requisitioning policies. Amid the Civil War, the Bolsheviks' immediate priority was military victory, which would have been impossible without rural civilian cooperation. Severe economic distress led peasants to recognize the need for new organizational forms, including collective farms; however, for various reasons, collective agriculture was realized on a far smaller scale than the Bolsheviks had anticipated. Furthermore, extensive political and educational work remained necessary to instill socialist consciousness, a sense of collective responsibility, and an acceptance of the primacy of societal interests over individual concerns.

Введение

Великая Октябрьская революция в России стала главным событием XX века. Опыт социалистических преобразований в стране оказался притягательным и положил начало социалистическим революциям в других странах.

Большевики пришли к власти, когда в стране были обострены социально-экономические, политические проблемы и их надо было решать. В данной статье исследуется проблема восстановления сельского хозяйства в специфических условиях Гражданской войны. Власть считала выходом для преодоления разрухи, обеспечения всех граждан продовольствием создание крупных коллективных хозяйств в деревне, которые вписывались в программу будущего социалистического общества.

Актуальность данного исследования обусловлена важностью во все времена эффективной системы землепользования, что обеспечивает продовольственную безопасность страны, здоровье нации и стабильность общества. Развитое сельское хозяйство положительно влияет на экономику страны в целом. Успехи в экономике без квалифицированного управления, умелой организации хозяйственного процесса невозможны. Важно осмыслить управленческий опыт советской власти в целях подъёма сельского хозяйства в современной России. Обладая огромными территориями, страна может не только обеспечить себя вдоволь качественным доступным для граждан продовольствием, но и экспортировать его. Однако приходится признать, что сегодня существуют проблемы в этой сфере.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать особенности деятельности органов государственного управления для организации коллективных хозяйств в аграрной сфере;
- исследовать обстоятельства проведения социалистических преобразований в деревне Воронежской губернии;
- рассмотреть способность к самоорганизации, готовность крестьян жить, работать по-социалистически.

В исследовании применялись:

- историко-системный метод исследований, с помощью которого были проанализированы связи между политическими и экономическими процессами, между экономическими и социальными процессами на территории Воронежской губернии в первые годы советской власти, обстоятельства и условия реализации политики государства в аграрной сфере;
- историко-сравнительный метод обусловил сопоставление различных коллективных форм хозяйств между собой, а также сравнение результатов политики государства в области создания коллективных хозяйств в Воронежской губернии с общероссийскими тенденциями;
- метод актуализации, который явил значимость исторического опыта в наши дни;
- ретроспективный метод позволил изучить причины изменений в системе аграрных отношений в рассматриваемый период;
- статистический метод использовался при сопоставлении количественных показателей земледельческих работ, площадей различных форм хозяйств.

При написании статьи автор руководствовалась принципами объективности и историзма.

Материалом для исследования послужили разные источники, объединённые по принципу общности информации: сведения, обзоры, отчёты и информационные материалы партийных и советских органов, публикации в советской периодической печати, заявления, обращения граждан, источники личного происхождения из Государственного архива Воронежской области (ГАО), Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), Воронежского областного краеведческого музея (ВОКМ); опубликованные законодательные акты, мемуары, труды В. И. Ленина.

Мемуары представлены в книге: Окнинский А. Л. Два года среди крестьян. М.: Красный путь, 1998. Её автор – бывший начальник отделения Центрального управления межевой частью, во имя спасения семьи покинул голодный Петроград. Два года он работал в канцелярии волостного совета – с ноября 1918 г. по ноябрь 1920 г. в селе Семеновка Уваровской волости Борисоглебского уезда (тогда уезд недавно выбыл из состава Воронежской губернии) Тамбовской губернии.

Ценным источником по истории первых лет Советской республики являются труды В. И. Ленина. Как главе Советского правительства с мест к нему стекалась богатейшая корреспонденция с информацией о революционных процессах в деревне. В этом смысле его можно назвать первым историографом, который эти сведения использовал для многих теоретических выводов и обобщений, что потом воплощались в практику революционно-преобразующей деятельности РКП(б).

В. И. Ленин показал, что земельная уравниловка не избавляла крестьянство от кулацкой кабалы. Выходом из неё является объединение всех крестьян (кооперация) в различные сельскохозяйственные коллективы. «Кооператив, – указывал В. И. Ленин, – если он охватывает **все общество**, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм» (1962b, с. 161).

Историографию темы исследования условно можно поделить на три этапа. Первый этап исследования проблемы охватывает советский период с начала 1920-х гг. до перестройки (1985 г.); второй этап (перестроечный и постсоветский) – с 1985 г. до конца 1990-х гг.; третий – с конца 1990-х гг. по настоящее время.

На первом этапе в отечественной историографии формировалась концепция о роли крестьянства как союзника пролетариата в социалистической революции. Авторы в основном пропагандировали достижения советской власти в социалистическом преобразовании деревни. В подобном аспекте была написана книга А. В. Шестакова (1930) «Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма». Большое внимание было уделено исследованию ликвидации класса помещиков, о которой так мечтали крестьяне. А. В. Шестаков подчеркивал, что РКП(б) стремилась к главной цели – методом убеждения организовать крестьян в коллективные хозяйства, при этом опираясь на поддержку рабочего класса.

Труды историков того периода создавали образ российского крестьянина, с энтузиазмом встретившего Октябрьскую революцию и героически сражавшегося за Советскую власть в годы Гражданской войны. Факты недовольства крестьян продовольственной политикой замалчивались, масштабы крестьянских оппозиционных выступлений преуменьшались и выдавались как бандитские проявления.

Наиболее крупные исследовательские работы по этой теме выполнены историком А. Я. Переверзевым в 1976 г. и в 1987 г. Обобщая опыт революции в деревне Черноземья, он показал, что РКП(б) проводила аграрную политику в интересах всего трудящегося крестьянства. Вопреки предложениям троцкистов сохранить в целостности земли бывших помещиков, чтобы на их основе создать совхозы без уступки части земель крестьянству, партия по совету Ленина на это не пошла, т. к. ей важен был союз с крестьянством. Подходя к вопросу о создании коллективных социалистических хозяйств в деревне, РКП(б) руководствовалась принципами добровольности и постепенности.

На втором этапе, в перестроечное и постперестроечное время, под влиянием новых веяний риторика изменилась. Её показателем является работа В. В. Кабанова (1997). В ней он описывает крестьянскую общину, раскрывает процессы, происходящие в ней в XX в., характеризует кооперативные организации. Сравнивая крестьянскую общину и кооперативы, он ставит вопрос: возможна ли трансформация общины в разновидность кооперации классического типа (т. е. сложившейся в России и за рубежом к началу XX в.)? А главное: нужна ли? И отвечает: как бы хорошо ни были развиты навыки и традиции общинного коллективизма, перерастание общины в артель (колхоз) невозможно (за исключением отдельных случаев) уже хотя бы потому, что крестьянский труд по сути своей индивидуален, а не коллективен. «Это кабинетные люди выдумали, что коллективный труд лучше, выгоднее, прогрессивнее индивидуального. А у крестьянина иное мнение, совершенно другой идеал, и, разумеется, не коллективное хозяйство» (Кабанов, 1997, с. 34). В. В. Кабанов, как ученый, имеет право на любое аргументированное мнение, однако обращает на себя внимание тот факт, что его работа выполнена при поддержке фонда «Международная культурная инициатива», который курирует известный миллиардер Дж. Сорос. Миллиардерство и социализм по сути несовместимы. Возникает вопрос: для чего Дж. Сорос решил вложиться в эту работу – из большого сочувствия к нашей стране или чтобы внушить бесперспективность колхозов, совхозов и подготовить почву для их разрушения, что мы и наблюдаем в сегодняшней России?

Третий этап от предыдущего отличается тем, что в обществе, в научной среде появляются другие оценки советского опыта. Испытав воочию «прелести» капитализма, вновь меняется риторика: от антисоветской огульной критики до взвешенных осторожных осмысленных оценок. Заслуживает внимания весомое диссертационное исследование историка Е. В. Войнова (2012) «Коллективно-хозяйственное движение в черноземной деревне в 1917–1922 гг.: на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний».

Е. В. Войнов в своей диссертации делит колхозное движение в 1917–1922 гг. в Центральном Черноземье на два этапа. Первый этап связан с политикой военного коммунизма. Коллективные хозяйства, как правило, образовывались на землях бывших помещичьих хозяйств, опирались на значительную помощь государства. В основном это были коммуны, а также артели и ТОЗы (Товарищество по обработке земли). В условиях начавшейся Гражданской войны их строительство продолжалось со многими трудностями, об этом свидетельствуют следующие цифры. Например, к концу 1918 года в Воронежской губернии – 40 совхозов, а уже к концу марта 1919 года, по данным подотдела советских хозяйств Наркомзема, в Воронежской губернии было 60 совхозов с площадью земли 59 107 десятин (Войнов, 2012).

Е. В. Войнов отметил особенность, что кулацкая прослойка в ЦЧО была более значительной, чем на остальной территории России, соответственно, ее влияние на крестьянство было более сильным, чем в промышленных губерниях.

1921–1922 гг. – второй этап в жизни коллективных хозяйств, связан с поворотом к новой экономической политике, к товарно-денежным отношениям. В этих условиях в первую очередь распались коммуны, а также

значительная часть сельхозартелей, но часть коллективов выжила, доказала преимущества крупного коллективного производства, что явилось важным условием их дальнейшего развития.

Другой особенностью этих лет было создание коллективов не на государственной, бывшей помещичьей, как это было в 1918-1920 гг., а на наделной крестьянской земле. Эти объединения были более прочными, ибо опирались на возросшую инициативу и сознательность самих крестьян.

Однако в годы НЭПа коллективные хозяйства так и не стали преобладающей формой кооперативной организации крестьянских масс. И, как показала жизнь, только в общей кооперативной системе коллективные хозяйства могли быть крепкими и успешно развиваться.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в курсах по истории России, агрономии, политологии, социологии; будут полезными для преподавателей, аспирантов, студентов и для всех интересующихся историей.

Автор надеется на обращение к историческому опыту представителей нынешней власти.

Обсуждение и результаты

До революции экономика России определялась положением в сельском хозяйстве, т. к. страна по преимуществу земледельческая, в ней больше 80% составляли крестьяне. Приступая к анализу темы, необходимо оценить уровень сельского хозяйства накануне 1917 г. в России, и в Воронежской губернии в частности, по сравнению с США. В России в среднем крестьянин потреблял 22 пуда хлеба в год. В Воронежской губернии в 1916 г. собранного хлеба на человека пришлось немного больше по сравнению со всей Россией – 27 пудов, в то время как американцы употребили 62 пуда. Ежегодный сбор пшеницы с одной десятины земли в среднем за пятилетие 1906-1910 гг. в Америке составил 66 пудов, в Европейской России – 48 пудов (Сельское хозяйство..., 1922, л. 2).

Империалистическая война, в которой участвовала Россия, усугубила положение и без того отсталого сельского хозяйства. В таком разоренном состоянии оно досталось большевикам в октябре 1917 г.

Известно, что крестьяне жили в основном общинами, в которых на первом месте стояло совместное пользование земель – пахотной (распределенной в индивидуальное хозяйствование), а также мирскими угодьями: лесом, лугами, выгонами. Христианский принцип равенства всех перед Богом проявлялся и в общинном способе наделения крестьянина землей: она распределялась таким образом, чтобы все оказались в равных условиях, главными критериями были качество, уровень расположения (если будет засушливое лето, спасет участок, что расположен ниже, если дождливое лето – выручит тот, что находится выше) и ее удаленность от дома. В результате такой принцип неизбежно приводил к чересполосице. Важно отметить, что для крестьянина индивидуальный труд и ведение своего **единоличного хозяйства** являлись незыблемыми устоями.

Крестьяне считали, что земля «Божья», т. е. ничья, и пользоваться (не владеть) ею может любой, кто способен обработать землю своими силами (Кабытов и др., 1988, с. 70). Большевики, как только пришли к власти, реализовали требования крестьян, приняв Декрет о земле, который был составлен на основании 242 наказов с мест. Все помещичьи, царские, церковные, монастырские земли конфисковывались вместе с инвентарем, постройки и передавались крестьянским комитетам и Советам для распределения между крестьянами. (Декреты Советской власти, 1957, с. 17).

В. И. Ленин считал необходимым включить в Декрет о земле крестьянский наказ целиком, в том числе и те положения, которые, по мнению большевиков, были ошибочными: «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой» (1962а, с. 115).

Всемирная история не знала аналогов Декрета о земле ни по масштабу перемен, который нес в себе этот документ, ни по смелости вторжения в существующие порядки, ни по силе удара, наносимого помещичье-буржуазному строю. Декрет всколыхнул крестьян Воронежской губернии и ускорил начавшийся ещё с Февральской революции 1917 г. процесс захвата помещичьих землевладений. Поначалу крестьянским обществам предоставили возможность самим проводить аграрные преобразования. Однако они сопровождались раздорами, погромами, что вызывало тревогу у большевиков: «Помещичью землю... предают огню и разрушению, не оставляя камня на камне от прекрасных усадеб, которые могли бы быть превращены в хорошие школы, больницы, народные дома, помещения при опытных и показательных полях, и тому подобные учреждения, столь нужные деревне.

Такая же война идёт между отдельными сёлами, присваивающими себе одну и ту же помещичью землю; между общинниками и хуторянами, между малоземельными и многоземельными внутри самой общины» (Воронежский кооператор и земледелец, 1918, с. 17).

Советская власть, разумеется, не могла допустить такого. Декрет о земле требовал «соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений» и «строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства со всеми орудиями, запасами продуктов и проч.» (Декреты Советской власти, 1957, с. 17). Немалую роль в пресечении произвола сыграла телеграфная директива В. И. Ленина председателю Острогожского Совета Воронежской губернии: «Имения – достояние народа. За грабёж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам» (1965, с. 17).

Под руководством губкома РКП(б) в Воронежской губернии, состоящей из 12 уездов, 246 волостей, общей площадью 61,7 тыс. кв. км (Гришин, 1967, с. 8), к 16 мая 1918 года было конфисковано 158 крупных помещичьих имений (Васильева, 1967, с. 13), что привело к полной ликвидации помещиков как класса. На 27 мая 1918 г. передел земли был завершен почти во всех уездах Воронежской губернии (Васильева, 1967, с. 13).

Сбылась вековая мечта крестьян получить побольше земли. Она поступила в единоличное пользование крестьянских хозяйств, как пелось в красноармейской песне «Проводы»: «А дела теперь пошли: любо-милостколько сразу нам земли привалило!».

Воронежский комитет РКП(б) призвал крестьян не впадать в эйфорию: «Народ стал верховным хозяином земли. Но, товарищи, нельзя предаваться только одной радости. Момент слишком ответственный» (Васильева, 1967, с. 12).

Земля, согласно декрету, делилась между единоличными крестьянскими хозяйствами по трудовой норме – по количеству работников в семье в соответствии с вековыми общинными традициями, в результате «образовалась убийственная чересполосица, длинноземелье и узкоземелье» (Кирпичев, 1918, л. 2).

Вести хозяйство на разбросанных в разных местах участках (порой очень узких) земли очень неудобно, нерентабельно: приходилось тратить много времени на переход от одной полоски земли к другой, загонять лошадь; при таком пользовании землей «совсем нельзя применять в хозяйстве земледельческих машин и орудий, потому что с ними негде развернуться, – непременно зацепишь соседнюю полосу» (Стройте коммуны..., 1918, л. 1).

Появление огромного количества единоличных хозяйств не соответствовало установкам большевиков на создание крупных социалистических предприятий. Но правящая партия это допустила ради упрочения союза рабочего класса с крестьянством, сохранения завоеваний революции и воспринимала их как временное явление. В дальнейшем планировалось на добровольной основе создать коллективные социалистические хозяйства – коммуны, совхозы, кооперативы, товарищества по обработке земли, сельскохозяйственные артели.

По условиям Брестского мира с Германией от 3 марта 1918 г. Россия теряла плодородные районы, что создавало угрозу продовольственному снабжению республики. И это в условиях изменения уклада, остановки предприятий и надвигающейся Гражданской войны приводило к высокой инфляции. Учитывая эти факторы, а также руководствуясь коммунистической доктриной об отмирании товарно-денежных отношений, власть согласно декрету о хлебной монополии от 13 мая 1918 г. запретила крестьянам свободную торговлю зерном. По нему каждый владелец обязан был сдавать все излишки зерна по твердой цене государству, кроме количества, «необходимого для обсеменения полей и для личного потребления». В противном случае «хлеб отбирается у него бесплатно. А в случае оказания противодействия отбиранию хлеба, закон разрешает применять вооруженную силу и карает сопротивляющихся заключением в тюрьму не менее чем на 10 лет, конфискацией всего имущества и изгнанием навсегда из общества» (Беднота, не зевай, 1918). Постепенно монополия была распространена на другие товары первой необходимости (яйца, картофель, масло, молоко, спички, свечи, мыло и т. п.). Запрет свободной торговли крестьянами был воспринят неодобрительно.

С лета 1918 г. до конца 1922 г. в России шла Гражданская война. Воронежской губернии, как обладательнице чернозема, отводилась важная роль – обеспечить продуктами жителей городов и Красную армию.

Все земельное дело в губернии до июня 1918 г. управлялось союзниками большевиков, партией левых эсеров. В это время «в губзем. отделе существовал форменный хаос. Левые эсеры, в руках которых находилось все земельное дело губернии, до такой степени запутали его, что просто не могли его сдать своим преемникам и к моменту дачи отчета о своей деятельности все ответственные работники отдела оказались в бегах. Связи губернского центра с уездами никакой не существовало» (Кирпичев, 1918, л. 2).

Изъятием продовольствия ведал Наркомпрод, наделенный ВЦИКом чрезвычайными полномочиями, на местах ему подчинялись по нисходящей продкомитеты: Губпродком – Уездпродком – Волпродком. Надеяться, что крестьяне будут выполнять продполитику, не приходилось. Продовольствие добывали административными, силовыми методами и агитацией. В помощь продкомитетам для изъятия продовольствия формировались отряды рабочих из городов. Но они не могли знать, у кого есть запасы зерна, и тем более, где оно спрятано. Это, как правило, знали свои деревенские бедняки. Их на основании декретов ЦК от 11 июня 1918 г. организовали в комбеды (комитеты бедноты), перед которыми вначале ставилась узкая задача – помочь продотрядам. В Воронежской губернии к 1 октября 1918 г. «было организовано (без Богучарского и Коротоякского уездов) 246 волостных и 1055 сельских комитетов» (Социально-экономические преобразования..., 1967, с. 23). На практике комбеды кроме того, что оказали огромную помощь продовольственным отрядам в изъятии хлеба у кулаков и спекулянтов, также «при руководящей роли и помощи со стороны городского пролетариата... осуществили передел помещичьей земли, захваченной кулаками... 90 процентов помещичьего скота и сельскохозяйственного инвентаря получили единоличные крестьяне – бедняки и середняки» (Социально-экономические преобразования..., 1967, с. 23). То есть комбеды провели дополнительный передел земли: отобрали у кулаков излишки земли сверх норм уравнительного землепользования. Выполнив свою миссию, они были упразднены в конце 1918 г.

Крестьяне нарушали закон о сдаче всех излишков продуктов государству: сбывали продукты нелегальным продавцам, которых власть называла мешочниками, спекулянтами; помимо этого, втянулись в самогонную вакханалию. Об этом 10 июля 1918 г. доложили на губернском продовольственном съезде в Воронеже комиссары по продовольствию Алексеевского (Бирюченского), Острогожского, Землянского, Калачеевского, Нижнедевицкого уездов. Они засвидетельствовали наличие богатого запаса зерна в уездах, который крестьяне прячут и сбывают организованным группам мешочников. А в Павловском уезде о масштабе самогоноварения говорит тот факт, что в одной только волости, например «в Ливенках была выгонка до 200 ведер в сутки» (Губернский продовольственный Съезд, 1918, л. 3).

Разгул мешочничества был таков, что их не останавливали даже расстрелы. Крестьяне не совсем верили, что те блага, которые они получили, будут и в дальнейшем, вот и запасались на черный день. Следует отметить,

что и отношение к крестьянству было двояким: его считали тружеником и мелкобуржуазным собственником одновременно. По этому поводу в июле 1919 г. Ленин говорил: «Мы знаем, что всякий крестьянин, который трудом, потом, кровью и горбом добывал себе жизнь, знает, что такое капитализм. Он сочувствует пролетарию, хотя и туманно, инстинктивно... Но от этого до умения отстаивать интересы социалистического государства, ставить свои интересы выше интересов торгаша, который желает нажиться сейчас, когда он может продать голодному по цене неслыханной и невиданной, – до этого расстояние длительное и далекое» (1963с, с. 33).

Чтобы мотивировать крестьян сдавать зерно государству, Ленин предложил ряд мер: «...повысить твердые цены на хлеб до 30 руб. за пуд, т. е. хорошей цены вольного рынка, и временное (на 1 месяц) отступление от хлебной монополии, т. е. позволить рабочим вывезти для себя по полтора пуда хлеба, а также предоставить рабочим организациям право посылать отряды для самозаготовок в хлебные губернии» (Хлеб, 1918).

Однако эти меры не привели к уменьшению спекуляции: «...поезда, курсирующие по линии Анна – Графская и обратно, по-прежнему забиты мешочниками и разного рода спекулянтами. Поездной состав часто идёт настолько переполненным, что поезд становится в пути» (Мешочничество, 1918).

В саботаже продовольственной политики большевики обвиняли кулаков, за которыми шла часть крестьян: «Кулаки говорят: “Хлеб у нас отнимают, так будем сеять столько, чтобы себя прокормить”. И многие неразумные крестьяне так и поступают» (Митрофанов, 1918).

К октябрю 1918 г. примерная себестоимость в 40-50 руб. за пуд муки на базаре взлетела до 100-150 руб. В уездных городах начались перебои в снабжении продовольствием, при этом «хлеб есть, даже можно сказать с избытком. Все приезжающие из деревень и сел единодушно подтверждают это, а вот взять его не удастся» (Хлеб и деревня, 1918, л. 4).

Как следствие вышеназванных фактов, возложенные в 1918 году «наряды на поставку продовольствия советской республике Воронежская губерния выполнила на 12,6%» (Обзор за год, 1918).

Способ преодолеть отсталость, разруху страны, обеспечить её продовольствием советская власть видела в создании крупных коллективных хозяйств. Для этого она пропагандировала эффективность разнообразных коллективных хозяйств – коммун, товариществ по обработке земли, сельскохозяйственных артелей, тем более что коллективные хозяйства вписывались в доктрину социалистического общества.

Что касается опыта коллективных хозяйств в России, таковой был в виде кооперативов со времен столыпинской реформы (в основном в Сибири), хотя количество их в масштабах всей империи было незначительным. «Отчасти это происходило от того, что население ещё плохо сознавало все выгоды для себя кооперативного объединения, отчасти оттого, что самодержавное правительство относилось к кооперативному объединению слишком подозрительно, усматривая в каждой, разумно организованной сплочённости угрозу для своего существования» (Воронежский кооператор и земледелец, 1918, с. 5). Кроме того, кооперативы того времени не обладали значительными капиталами, не знали рынков, не имели рабочего аппарата, почему и не могли выдерживать конкуренции частных предпринимателей.

Гражданская война внесла глубокие изменения в хозяйственный организм страны. «Иностранный капитал сошёл со сцены, кооперативы к этому времени получают возможность объединяться в союзы и вместе с этим используют ослабление частно-торгового аппарата, чтобы захватить в свои руки как вывоз продуктов сельского хозяйства, так и снабжение средствами производства» (Воронежский кооператор и земледелец, 1919, с. 25).

Кооперативы, которые стали появляться после октября 1917 г., не имели опыта, четкого представления организации деятельности: «Только недавно кредитная и потребительская кооперация разграничили сферу деятельности. Операции по снабжению предметами личного потребления должны отойти к потребительной кооперации, а у кредитной остаться предметы, необходимые в с/хоз. производстве, т. е. машины, орудия, железо и различные специальные материалы» (Воронежский кооператор и земледелец, 1919, с. 28).

Кооперативы создавались в первую очередь середняками в сфере сбыта и потребления, а бедняки оставались вне этих объединений, им нечего было продавать, они выживали кое-как. Социализация земли, разрушив крупные помещичьи хозяйства, на практике не принесла никакой выгоды собственно сельскому пролетариату (безземельные батраки), потому что они не имели в своём большинстве ни инвентаря, ни рабочего скота для обработки земли, несмотря на то что получили землю при разделе помещичьих и проч. владений.

По этому поводу В. И. Ленин говорил: «Мы не хотели навязывать крестьянству чуждой ему мысли о ничемности уравнительного разделения земли. Мы считали, что лучше, если сами трудящиеся крестьяне собственным горбом, на собственной шкуре увидят, что уравнительная дележка – вздор» (1963а, с. 179).

Целью большевиков было вовлечение всех крестьян в производственный процесс. Среди разных форм коллективных хозяйств предпочтение отдавалось коммуне, чтобы улучшить положение сельского пролетариата и беднейших крестьян. На губернском съезде РКП(б) 25 июня 1918 года в г. Воронеже, обсуждая необходимость создания коммун, говорилось о принципах их организации, о предоставляемых им льготах: «В ней не только одна земля, но и все средства обработки земли составляют общую собственность трудящихся. Точно так же и продукты производства, которые после удовлетворения нужд общегосударственных могут быть использованы коммуной по своему усмотрению...

Образовавшиеся коммуны вступают между собой в союз, образуя “Союз коммун” – для обмена продуктами производства (поскольку удовлетворены общегосударственные потребности), для всё более тесного сплочения защитников идей коммунизма и т. д. Все коммуны должны регистрироваться в губернских Советах и, как организации трудовые, имеют право рассчитывать на снабжение предметами первой необходимости

и продуктами фабричного производства, инвентаря и финансовой поддержкой со стороны государственной власти в первую очередь...

Хозяйство в коммунах должно вестись по последнему слову науки под руководством опытных специалистов» (ГАОПИВО, ф. 1, оп. 1, д. 4, л. 10-12).

Для усиления агитации в качестве примера приводили коммуны «Добрый путь» в селе Старо-Животинное. Устав коммуны регламентировал новый принцип отношений и тотальную степень обобществления имущества членов коммуны: «1) Все принадлежит всем, и никто в коммуне ничего не может назвать своим. 2) Каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам. 3) Работа ведётся сообща, коллективно. 4) Деньги внутри коммуны обращаться не могут. 5) Излишки продуктов передаются в общественное пользование через местные органы Советской власти» (Васильева, 1967, с. 13).

В г. Болхове 25-27 июня 1918 г. состоялся многочисленный съезд по земельному вопросу. На съезд собралось более 500 человек – от каждой деревни по представителю. Бурно обсуждалась тема создания коллективных хозяйств. Государственные органы обязали оказывать содействие в их создании и предоставлять им льготы: «Союзам, коммунам и артелям из сельскохоз. рабочих, пожелавшим вести общественную обработку земли, земля отводится в первую очередь. Эти артели должны быть зачислены в земельных отделах.

Волостные земельные отделы идут навстречу образованию артелей с кооперативной обработкой земли, и они должны всеми силами помогать выделять землю для наделения ею артелей. Артелям должны в первую голову предоставлять право пользоваться инвентарем, в том числе и с/х машинами, с рассрочкой платежа на долгий срок» (Стройте коммуны..., 1918, л. 1).

На этом же съезде в очередной раз приводились уже новые аргументы в пользу эффективности ведения коллективных хозяйств: «Сельское крест. хозяйство в таком виде, в каком оно ведется теперь (мелкополосицы и чересполосица), приносит очень мало пользы и требует большого труда.

Ведь у нас в хозяйствах зачастую существуют полосы по сажени и по две вири – на них далеко не уедешь, работать неудобно. Не может земледелец при всем своем желании и умении вести в хозяйстве двенадцатипольный и шестипольный севообороты, так как существующая по большей части трехпольная система и мелкополосица не дадут возможности устроить такое хозяйство. Ведь нельзя же на паровом клине на своей полоске посеять вику на корне с тем, чтобы по снятии посеять рожь, когда земледелец не хочет этого делать, и одинокая полоска, засеянная одна среди парового клина, быстро будет вытравлена скотом.

Другое дело артель или коммуна. Земледельцы, образовавшие артель или коммуны, могут вести многопольные севообороты, применять искусственные удобрения, обрабатывать землю машинами и наладить крупное, хорошо поставленное хозяйство под руководством знающих людей или специалистов, агрономов. У них будет затрачено гораздо меньше времени и сил на обработку, но зато они получают гораздо больше пользы.

<...> Пахарь на сохе за день вспашет 20 саж., а на плуге – более одной десятины. Сеятель руками засеет не более двух-трех десятин, а на сеялке с лошастью – 7-9 десятин. Косец косою скосит 15-20 сажень в день, а на косилке или жатке – 4-5 десятин. Какая громадная разница.

При мелкополосице совсем нельзя применять в хозяйстве земледельческих машин и орудий, потому что с ними негде развернуться – непременно зацепишь соседнюю полоску, а то и вовсе негде проехать с жаткой, если полоска находится посреди клина и много соседних не скошено, – жди, пока скосят, да и скосивши, опять негде провезти машину – по скошенным рядам нельзя, – обмолотишь много колосьев...

При отдельном мелком хозяйстве каждый в отдельности больше работает, чем тогда, когда он будет работать с другими скопом» (Стройте коммуны..., 1918, л. 1).

Также примечателен в этом смысле доклад «О нормах наделения землей в пределах Воронежской губернии», в котором Б. Брук, выступая на совещании по делам землеустройства в октябре 1918 г., предложил применить две нормы – для коллективных хозяйств и для единоличных хозяйств, что и было одобрено. Для коллективных хозяйств он предложил применить потребительски-трудовую норму, а именно: «1) путем исчисления нормы фактического землепользования в данном районе и 2) путем отбора типичных хозяйств в каждой волости, т. е. таких, которые не пользуются наемным трудом и не посылают членов семьи в отход» (Материалы губернского совещания..., 1918, с. 36).

Что касается нормы для единоличного крестьянского хозяйства, то её определяет само сельское общество. Б. Брук обосновал это тем, что Воронежская губерния обладает обширной территорией со множеством естественно-исторических и экономических особенностей, что делает уравнительность неосуществимой задачей. Кроме того, «отдельные семьи могут располагать различным запасом рабочих сил и неодинаковыми потребностями» (Материалы губернского совещания..., 1918, с. 31). Видимо, расчёт был на то, что крестьяне придут к решению совместно обрабатывать землю, чтобы не тратить время, нервы на споры при распределении земли. Сложная задача угодить всем, но даже если крестьянское общество как-то достигнет согласия, это обязательно приведет к чересполосице, а значит, хозяйство будет нерентабельным. Крестьянам придётся перебегать от одной полоски к другой, впустую непродуктивно расходовать время, силы и ресурсы.

Однако, несмотря на широкую агитацию, отношение сельских обществ к коллективным хозяйствам, а именно к коммунам, в большинстве своем было неблагоприятным: «...со стороны обществ, как общее правило, в Воронежской губернии наблюдалось враждебное отношение к коммунам. Коммуны, чтобы получить себе подходящий участок земли, должны были преодолеть массу мытарств, прежде чем им удавалось склонить какое-нибудь общество отвести им просимую землю. И до сих пор почти все коммуны в губернии находятся в своего рода тяжбе с волостными земотделами из-за отвода нужных коммунам земель» (Кирпичев, 1918, л. 2). Чтобы

избежать конфликтов и скандалов, «громадная масса крестьян склоняется к групповому переселению на основе образования коллектив. хозяйства. Поэтому губерн. зем. Отдел главной задачей своих предстоящих зимних работ поставил подготовку массового образования с весны (1919 г. – Н. А.) с/х коллективов в форме артелей или в форме коммун» (Кирпичев, 1918, л. 2).

Несмотря на тяжелое хозяйственное положение, крестьяне в большинстве своём не стали инициаторами создания коммун. Причины были названы в протоколе III Воронежской губернской партийной конференции РКП(б) от 28 декабря 1918 года: «а) Косность крестьянских масс, наблюдающаяся даже среди беднейшего и безземельного слоя крестьян, в силу которой трудно отречься от навыков индивидуального мелкого хозяйства и кажущейся экономической свободы, боязнь перестать быть самому себе хозяином. б) Враждебное отношение к коммунарам прочего сельского населения, видящего в коммуне определенную угрозу существующему теперь укладу деревенской жизни. в) Тяжесть обзаведения хоз/инвентарем для коммуны, плохо поставленное снабжение коммун и целый ряд других причин более мелких». Чтобы заинтересовать крестьян, вселить в них уверенность в перспективность крупных коллективных хозяйств была принята установка: «...наряду с устройством коммун необходимо приняться за организацию на ещё не поделённых площадях земли, пригодных для этого преимущественно в крупных имениях, так называемых “советских хозяйств”. Эти хозяйства должны быть технически организованы по принципу больших капиталистических хозяйств с применением всех усовершенствованных методов с/х хозяйства». Также, учитывая склонность середняков к созданию кооперативов, использовать их потенциал в политической и экономической сфере: «Привлекая к работам в Советах деревни среднее крестьянство, коммунистам необходимо завоевать прочные позиции в кооперативах, постепенно превращая их в советские органы распределения и товарообмена и производства в производительной кооперации» (ГАОПИВО, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 21-23).

Вопросы организации крупных коллективных хозяйств были вынесены на широкое обсуждение в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б). Говоря о предубеждении крестьян против крупного хозяйства, Ленин отметил: «Конечно – это ошибочно. Но у крестьянина с представлением о крупном хозяйстве связана ненависть, воспоминание о том, как угнетали народ помещики» (1963b, с. 200). Громадные сложности для советской власти создавала установка крестьян работать в одиночку и свободно торговать.

Таким образом, подавляющая часть земли в губернии оказалась в личном пользовании крестьян, а на остальной в незначительном размере были организованы коллективные хозяйства, а именно: «В Воронежской и других губерниях Черноземного Центра весь земельный фонд на 1 сентября 1919 г. был распределён следующим образом: оставлено в личное пользование крестьян 94,3 процента, отведено совхозам – 2,2 процента, сельскохозяйственным коллективам, артелям, коммунаам, тозам – 0,5 процента, учреждениям, промышленным предприятиям и т. д. – 3 процента земли» (Социально-экономические преобразования..., 1967, с. 21).

В 1918 г. и особенно в 1919 г. территория Воронежской губернии являлась ареной жестоких боёв между частями Белой и Красной армий. Призывались самые надежные, верные социалистическим идеалам кадры. На смену им приходили не всегда идейные и достойные, порой враждебные советской власти. Кулаки, используя политические колебания середняка и оказывая экономическое давление на бедноту, которой обещали материальную поддержку, добивались своего избрания в Советы. Об этом докладывалось в политическом обзоре Павловского уезда от 30 мая 1919 г.: «Лучших работников заменяют лица часто не соответствующие революционному движению. Весь состав Исполкома в таких случаях, в некоторых волостях – представители кулачества, исключаящие все идеи и стремление Власти Советов» (ГАВО, ф. Р-12, оп. 1, д. 76, л. 36 об.).

Об аналогичном положении доводил до сведения коммунистической ячейки Богучарского уезда беспартийный О. Денищенко 3 апреля 1920 г.: «В слободе Дедовке (Монастырщенской волости. – Н. А.) Председатель избран кучкой маленьких кулачков, который совершенно не действует в пользу сов. власти, если какая-нибудь последует бумага, требующая в Государственных интересах как-то хлеб, скот и прочия, то он или подымает насмешку или же говорит что мы пропали нас дескать Сов. власть грабит.

От крестьян совершенно ничиво не требует законного, например: самогонщиков у нашей слободе около ста дворов из трехсот шестидесяти дворов (выходит около 1/3 деревни варила самогон. Это немало. – Н. А.), лес рубили кому сколько угодно, сам бродит по самогонщикам и опивает каковым говорит вари, все равно что поварим, что отдать куда-то хлеб пропал. <...> У нас например употребляют на самогон приблизительно около 30 п. хлеба в сутки» (ГАВО, ф. Р-484, оп. 1, д. 47, л. 58).

В годы Гражданской войны самым тяжелым для большевиков был 1919 год, бои шли с переменным успехом, неизвестно было, чья возьмёт. Понятно, главные силы были брошены на то, чтобы одержать победу. У большевиков не хватало сил и ресурсов активно заниматься пропагандой и организационной деятельностью по созданию коллективных хозяйств и тем более принуждать крестьян. В такой обстановке нельзя было рисковать, настраивая против себя и так недовольных продовольственной политикой крестьян.

В Бобровском уезде местное сельское население не просто категорически отказалось сдавать излишки зерна и др. продуктов, а избило агентов – «как Упродкома, так и Наркомпрода, работавших по реквизиции хлеба и т. д.». Об этом доложил комиссар продкомитета 9 апреля 1919 г. (ГАВО, ф. Р-466, оп. 1, д. 8, л. 111 об.).

Зачастую и сами исполкомы были бессильны перед протестными настроениями крестьян. Из протокола заседания президиума Оськинского волостного исполкома от 24 мая 1919 г.: «...убеждения на массы не действуют, агитаторов слушать не хотят вообще. <...> Устранить такие нежелательные явления Волостной исполком по имени реальной силы не в силах» (ГАВО, ф. Р-282, оп. 1, д. 24, л. 57).

Продовольственные склады в уездных городах опустели, и население потребовало «возобновления вольной продажи хлеба и мяса», передавал в апреле 1919 г. исполком уездного города Бутурлиновск руководству губернии (ГАВО, ф. Р-165, оп. 1, д. 180, л. 13).

Об этом же требовании населения «разрешить всеобщую торговлю на базарах» доложил председатель исполкома Репьевской волости на районном съезде в ноябре 1919 г. (ГАВО, ф. Р-6, оп. 1, д. 8, л. 53, 53 об.). Крестьяне негодовали, что власть, будучи не в состоянии наладить товарообмен между городом и деревней, заставляет гражданам самим решать свои проблемы.

После изгнания белых с территории Воронежской губернии в конце 1919 г. у большевиков появилось больше времени и ресурсов вести пропагандистскую работу среди населения. На собраниях, в прессе развернулась агитация в пользу крупных коллективных хозяйств. Кроме вышеперечисленных причин, достоинствами крупного коллективного хозяйства перед единоличным назывались «возможность крупных земельных улучшений, как например: осушение почвы и орошение ее и пр. ... оно затрачивает меньше средств на постройки, в нем меньше тратятся непроизвольно земли на межи, дороги и пр., оно требует меньше работы от человека, орудий и скота, оно затрачивает меньше материала на изгородь, содержание скота и ремонт машин обходится дешевле» (Коллективные хозяйства, 1921, с. 31).

Власть обещала выделить для коммун лучшие пахотные земли с сенокосами и пастбищем. Но коммуны не вызывали энтузиазма: собственническое сознание крестьян не могло смириться с тотальным обобществлением имущества и считало это несправедливым. К примеру, в Подгорнской волости Борисоглебского уезда в коммуну пожелал пойти лишь один крестьянин. На вопрос, почему никто не идет в коммуну, крестьянин из середняков ответил: «Коммуна энта нам совсем дело неподходящее. Ведь энта что значит? Ведь энта значит все, что у каждого есть в хозяйстве, вали в общий как бы котел: и лошадей, и коров, и овец, и всю прочую живность; и сохи, и бороны, и телеги, и хомуты, и все, все. У меня, к примеру, лошадь по-прежнему стоит сто пятьдесят рублей, а другого всего семьдесят пять; у меня коров три, и все хорошие, а другого одна, и та плохенькая; у меня две телеги, и колеса у них с железными ободьями, а у другого всего одна, и колеса без железных ободьев; я сам работник умелый и старательный, а другой никудышный. И так во всем. И получится потом из всего энтото похлёбка, которой не расхлебашь» (Окнинский, 1998, с. 173).

В отличие от коммун, кооперативы пользовались большей популярностью у крестьян. Из протокола № 13 общего собрания Костённской волости Воронежского уезда от 23 июня 1920 года, на котором присутствовало 325 человек: «...мы, граждане Костённской волости все как один заявляем, что всячески стараемся поддерживать мероприятия Советской власти по проведению в жизнь декрета о кооперации от 20 марта 1919 г., так как это есть самый смертельный удар по спекуляции и торговому паразитическому элементу, который выпил кровь из трудящихся» (ГАВО, ф. Р-114, оп. 1, д. 9, л. 86).

Тем временем стали поступать тревожные вести. О голодающем большинстве населения в волостях Богучарского уезда доносили сведения в феврале 1920 г. (ГАВО, ф. Р-484, оп. 1, д. 130, л. 18, 19).

Прохождение линии фронта в 1919 г. приводило к гибели людей, лошадей, инвентаря, вытаптыванию посевов, что пагубно отразится на посевной и уборочной кампаниях в следующем 1920 году – передавали руководители Коротояжского (ГАВО, ф. Р-9, оп. 1, д. 38, л. 135), Новохоперского (ГАВО, ф. Р-9, оп. 1, д. 38, л. 147), Воронежского уездов (ГАВО, ф. Р-425, оп. 1, д. 14, л. 38).

Бедственное положение сельчан усугубила сильнейшая засуха в 1920 г. в Воронежской губернии, повлекшая за собой неурожай и голод. Несмотря на это, в Калачеевском уезде на рынках повсюду шла торговля продовольствием. Член губпродколлегии Д. И. Павлов 22 августа 1920 г. докладывал Воронежскому губпродкомиссару: «Старый хлеб в уезде хотя и есть то так спрятан, что все наши усилия остаются с теми мизерными цифрами заготовки» (ГАВО, ф. Р-9, оп. 1, д. 38, л. 140).

Кроме спекуляции, «во многих селениях, расположенных по берегам рек, развита сильная гонка самогона» – доложил начальник речной рабоче-крестьянской милиции Верхне-Донского района в мае 1920 г. на заседании Павловского уисполкома (ГАВО, ф. Р-12, оп. 1, д. 76, л. 55).

Также о варке самогона и спекуляции докладывал 9 сентября 1920 г. продкомиссар Нижнедевицкого уезда Иванов: «К всевозможным же воззваниям граждане оставались совершенно глухи и вместо сдачи хлеба в государство променивали его на товары спекулянтам и варили самогон» (ГАВО, ф. Р-9, оп. 1, д. 38, л. 142).

Из сведений из Алексеевского уезда в Воронежскую ГубЧК за период с 15 декабря 1920 г. по 1 января 1921 года: «На границе Курской губернии возле Алексеевского уезда и возле мельницы, бывшей Баркова в Староивановской волости идет сильная варка самогона, где таковую продают в Алексеевском уезде, всегда наблюдаются пьяные граждане, а также местная волостная милиция тоже» (ГАВО, ф. Р-4, оп. 3, д. 1, л. 27).

Продкомитеты за невыполнение продразверстки арестовывали председателей сельсоветов и волисполкомов (ГАВО, ф. Р-653, оп. 3, д. 11, л. 368, 368 об.).

Арестовывали также крестьян, не выполнивших полностью продразверстку. Из нижеследующего текста заявления от имени 18 человек села Ступино Березовской волости Воронежского уезда от 11 ноября 1920 г. можно догадаться, что у крестьян имелись продукты, но они их не сдали: «Будучи лишены свободы мы, конечно, не в состоянии будем и в будущем что-либо предпринять для выполнения разверстки. Поэтому просим немедленно освободить нас из-под ареста, а мы со своей стороны постараемся выполнить личную повинность и насколько возможно повлиять на своих однообщественников» (ГАВО, ф. Р-114, оп. 1, д. 38, л. 423).

В Землянском уезде сводки от 5 ноября 1920 г. доносили о критическом положении населения: «...население местами уже голодает, хлеб выпекается большею частью из лебеды и прочих суррогатов» (ГАВО, ф. Р-2, оп. 1, д. 30, л. 115, 115 об.). Но в то же время власть располагала фактами спекуляции на территории этого уезда (ГАВО, ф. Р-607, оп. 1, д. 2, л. 222).

Боевые действия, сильная засуха усугубили и без того тяжелое положение в сельском хозяйстве. (Показатели пахотных работ в 1916, 1920, 1921 гг. приводятся ниже.) Это отразилось на итогах продовольственной кампании за 1920 г., которые были обнародованы в прессе. Воронежскую губернию за низкие показатели разверстки занесли на доску позора: «Разверстка хлеба, крупы и фуража, возложенная на нашу губернию, равна 5 554 000 пуд... С самого начала заготовительных работ по 20 декабря было заготовлено – 1 587 106 пудов, что составляет 28,6%. <...>

На первом месте стоят уезды: Калачеевский (85,3%), Валуйский (69,4%), Задонский (46,5%) и Алексеевский (42,7%).

Неуспевающие уезды – Нижнедевицкий (5,5%), Коротоякский (11,7%), Богучарский (13,2%) и Острогожский (14,5%)» (Воронежская Коммуна, 1920).

Позже, в январе 1921 г., отдельно отчитался исполком Землянского уезда: «Продовольственная разверстка не окончена, выполняется по каждой волости неодинаково. ...выполнение разверстки хлебов в общем по Землянскому уезду выражается в 64%, масляничных семян – 53%» (ГАВО, ф. Р-4, оп. 3, д. 2, л. 44). В марте 1921 г. исполком Землянского уезда повысил свои показатели по продразверстке: «...всего выполнено по Уезду в %% отношении хлебов 73%» (ГАВО, ф. Р-4, оп. 3, д. 2, л. 92). Повышение показателей в марте могло произойти только за счёт утаённого зерна.

Окончательные итоги продкампании по Воронежской губернии, подведенные в феврале 1921 г., объявляли, что «в общегубернском масштабе продразверстка выполнена в 50%, несмотря на выбытие уездов Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского, охваченных бандитизмом» (ГАВО, ф. Р-503, оп. 1, д. 81, л. 145 об.).

В целом уезды по-разному выполнили продразверстку. Эти показатели разнились не только между уездами, но и по волостям внутри уезда. Учитывая, за малым исключением, однообразие природных условий в пределах губернии, можно предположить, что причина заключалась в отношении крестьян к продразверстке, в приоритете общественных или личных интересов. К примеру, в Нижнедевицком уезде из зерна активно варили самогон, он и оказался самым неуспевающим в губернии. В то же время в марте 1921 г. руководство Нижнедевицкого уезда доносило о переживаемом голоде: «...многие граждане с декабря 1920 г. стали питаться за неимением хлеба разного рода суррогатами, как-то: лебеда, желуди, мякина, солома и др. непитательными веществами» (ГАВО, ф. Р-344, оп. 1, д. 142, л. 154).

Самое бедственное положение переживал Коротоякский уезд. Из сводки исполкома Коротоякского уезда от 18 февраля 1921 г.: «...ввиду неурожая почти все 100% населения голодает...» (ГАВО, ф. Р-653, оп. 3, д. 11, л. 400).

Партия и советское правительство спланировали начать восстановление подорванных войнами производительных сил республики с мелкого крестьянского хозяйства. Надо было сначала произвести продовольствие, накормить граждан, удовлетворить базовые потребности, чтобы созидать. «Без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство», – говорил В. И. Ленин (1963d, с. 148) с трибуны VIII съезда в декабре 1920 г.

Однако экстремальность ситуации заставляла отказываться от административных методов. В. И. Ленин предостерегал от принуждения крестьян в деле создания социалистических коллективных хозяйств: «Крестьяне социалистами не являются. И строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке, значит не понимать наших задач» (1963d, с. 145).

Первые сведения о создании самими крестьянами коммун, из-за невозможности единолично выбраться из нужды, появляются в сводке Павловского уезда в июне 1920 г.: «Голодает большая часть уезда. Больно действует это обстоятельство на психику граждан... С/хоз. коммуна развивается. Так кроме Гороховской, Ливенской Коммун – организовалась таковая за последнее время в Верхней Гнилуше. Население этих волостей ясно увидело выгоду и справедливость жизни в Коммунах» (ГАВО, ф. Р-12, оп. 1, д. 76, л. 12, 13). Для налаживания деятельности коммун волостям Павловского уезда была оказана помощь. Об этом сообщалось в сводках от 1 августа 1920 г.: «Со стороны Уезмотдела посылаются в уезд инструктора Оргасеву агроному... В Ливенской волости открыт луговой показательный участок, над которым работает тумановская трудовая артель.

Также приняты меры к открытию показательных полей в волостях Гаврильской, Мамоновской, Журавской, Семеновской, Гнилушенской, Лосевской, Шестаковской и Ливенской» (ГАВО, ф. Р-12, оп. 1, д. 76, л. 13 об.).

Наблюдая, как при содействии государства в соседних волостях создаются коллективные хозяйства, к этому процессу стали активно присоединяться и другие волости Павловского уезда, о чем доносили сводки: «...коллективы растут как грибы, крестьяне инстинктивно чувствуют, что только здесь они могут найти спасение, но на правильную организацию Коллективов и на их снабжение пока в уезде мало обращено внимания. <...> 8/III–1921 г.» (ГАВО, ф. Р-4, оп. 3, д. 2, л. 62).

Газета «Красная деревня» от 16 января 1921 г. сообщала: «Крестьяне, наконец, начинают понимать все преимущества коллективной обработки земли единоличной. Так, например, на съезде сельских советов Щербаковской волости крестьяне признали необходимым ввести такой порядок обработки земли у себя» (ГАОПИВО, ф. 290, оп. 2, д. 124, л. 16).

Губернская власть запрашивала уезды выслать сведения о формах хозяйств. Нижеследующий документ из Воронежского уезда показывает, что в нем преобладают единоличные крестьянские хозяйства.

«В Воронежское Губстатбюро от 12 янв. 1921 г.

Воронежское Устатбюро при сем препровождает сведения с/х переписи по Воронежскому уезду:

1) крестьянские общества; 2) коммуны и артели; 3) совхозы; 4) изолированные хозяйства и 5) прочие хозяйства.

Зав. статбюро
Делопроизводитель»
Крестьянские общества Воронежского уезда

Пар	Посевная площадь	Итого пашни
7.392.851	14.669.539	22.062.390

(ГАВО, ф. Р-1997, оп. 1, д. 51, л. 1, 2)

Коммуны и артели Воронежского уезда

Пар	Посевная площадь	Итого пашни
29.47	302.12	331.59

(ГАВО, ф. Р-1997, оп. 1, д. 51, л. 5, 6)

Совхозы Воронежского уезда

Пар	Посевная площадь	Итого пашни
101.250	135.248	236.498

(ГАВО, ф. Р-1997, оп. 1, д. 51, л. 7, 8)

Изолированные хозяйства Воронежского уезда

Пар	Посевная площадь	Итого пашни
11.068	25.447	36.515

(ГАВО, ф. Р-1997, оп. 1, д. 51, л. 9, 10)

Прочие хозяйства по Воронежскому уезду

Пар	Посевная площадь	Итого пашни
6.312	12.420	18.732

(ГАВО, ф. Р-1997, оп. 1, д. 51, л. 11, 12)

В обстановке обострения общественных протестов и под грохот восстаний советская власть в марте 1921 г. взяла курс на новую экономическую политику (НЭП), которая разрешала свободную торговлю крестьянам после сдачи продналога государству.

Власть публично признала ошибочность проведения прежней непопулярной продовольственной политики, оправдываясь тем, что «вынуждена была забирать у крестьянина все излишки, ничего не давая ему взамен, потому что: во-первых, вся промышленность едва справлялась с обслуживанием армии и транспорта, во-вторых, ввести налог вместо разверстки нельзя было, ибо продналог возможен только при условии неизменности величины территории. Следовательно, остался выход один: взять все излишки у крестьян, что и делалось путем разверстки» (Макашев, 1922, л. 3). То есть, другими словами, так как в ходе жестокой Гражданской войны территории переходили из рук в руки, чтобы продовольствие не досталось врагу, у крестьян изымались все излишки продуктов.

Крестьянам была предоставлена свобода экономической деятельности, но в то же время власть, опасаясь разгула мелкобуржуазной стихии, ввела ограничения в отношении самостоятельных работников, навешивая ярлык «паразитический элемент». Это влекло за собой конфискацию имущества, поражение в политических правах, чему граждане сопротивлялись, как это сделали 4 члена сельскохозяйственной артели «Работник», созданной 1 апреля 1920 г. В своих заявлениях они просили снять позорное название «паразитический элемент», т. к. являются «честными тружениками» (ГАВО, ф. Р-2, оп. 1, д. 57, л. 14, 14 об., 15, 15 об., 16, 16 об., 17, 17 об.). За вышеуказанных граждан заступились председатель, заместитель, члены артели (4 человека). В нижеследующем документе за них ручаются и также жалуются на необоснованно враждебное отношение к артели со стороны селян:

«Удостоверение

Настоящая удостоверение выдана от с/х трудовой артели «Работник» Краснодолинской волости членам нашей артели гражд. Е. С. Чеботареву, Т. Е. Щербакову, Е. П. Чеботареву и С. Е. Федорову в том, что таковые есть люди честные, трудолюбивые землеробы и огородники, а что касается в политической благонадежности, то мы все члены названной с/хоз. артели вполне за таковых граждан ручаемся за их благонадежность...

Названная с/х артель со дня своей организации пережила многие от гр. Спасского общества: аресты, пожары, убийства, покушения на убийства и всевозможные грязные протоколы, а потому общество дать нам и нашим вышеназванным членам одобрение не может вследствие ненависти и злобы на нашу с/х артель, которая идет против артели и ведет борьбу со дня организации и по настоящее время. <...> Май 1921 г.» (ГАВО, ф. Р-2, оп. 1, д. 57, л. 13, 13 об.).

Допустив свободную торговлю, большевики стремились направить её в социалистическое русло и издали директиву «о срочной организации потребительской кооперации, взамен усиления частной торговли, поскольку кооперация является добровольной открытой дорогой масс в социализм и далее» (Платонов, 1989, с. 291).

Крестьяне с одобрением встретили НЭП, однако сеять было нечем, засуха 1920 г. привела к недороду посевов. 1921 год вслед за 1920-м также выдался крайне засушливым, неурожайным, усилил разорение крестьянского хозяйства. Были нередки случаи гибели людей от голода.

Эти обстоятельства отразились на пахотных работах. Далее следует рассмотреть, как изменились показатели в 1920 и 1921 гг. по сравнению с 1916 годом:

«По Воронежской губернии:

В 1916 году засеяно 2 539 338 десятин – 100%

В 1920 году засеяно 804 463 дес. – 31,6%

В 1921 году засеяно 457 533 дес. – 17,6%»

(Сельское хозяйство..., 1922, л. 2). Недосев в 1920 году по сравнению с 1916 годом составил 68,4%, а в 1921 году – 82,4%.

Враги советской власти, потерпев поражение в Гражданской войне, не оставляли надежды на реванш и вредили ей как могли. Наличие социалистических хозяйств приводило к утрате зависимости бедняков от кулаков, а значит, к потере возможности их эксплуатации, что вызывало лютую злобу и ненависть. Дело доходило до жестоких убийств работников советских хозяйств. «В 1922 г. в 7-ми км от ст. Глубокая Донской области был организован первый совхоз им. Королёва, а позже второй – “Пчёлка”... Комбайнов ещё не было – косили косилкой, женщины и подростки – серпами... Перед рассветом налетели (во время сбора урожая в июле-августе 1922 г. – Н. А.) на спящих тружеников совхоза, перерезали им горло шашками. Ничего в совхозе не тронули. Торопились в совхоз “Пчёлка”, где также зверски расправились с тружениками» (ВОКМ..., дело № 95, Каширина). Эти действия подтверждают характеристику, которую дал им герой повести Платонова: «Кулаки... не просто классовые враги, но буквально враги всего живого, если оно не их собственность!» (1988, с. 392).

В таких тяжелейших политических, экономических, социальных условиях большевики строили социализм. Приходилось одновременно бороться против внешних и внутренних врагов; проводить в разрушенной стране колоссальную организационную, пропагандистскую, просветительскую работу среди полуграмотного населения по созданию социалистических хозяйств.

Если посмотреть на соотношение форм хозяйствования по всей России: «После Октябрьской революции – 96% всей земельной площади России принадлежит единоличным крестьянским хозяйствам и только 4% – под совхозами, коммунами, артелями и т. д.» (Сельское хозяйство..., 1922, л. 2), в Воронежской губернии картина схожая.

Нижеследующий документ от апреля 1921 г. из Землянского уезда с грифом «Секретно» докладывает о критическом положении в совхозе: «Состояние Совхозов неудовлетворительное, ощущается острый недостаток, как живого, так и мертвого инвентаря. Для поднятия с/х хозяйства уезда на должную высоту необходимо бросить в уезд агрономические силы, не дать погибнуть рабочему скоту совхозов, а также и крестьянских хозяйств, предоставить в достаточном количестве с/х орудий» (ГАВО, ф. Р-4, оп. 3, д. 2, л. 91, 92).

К сожалению, автор настоящей статьи не располагает сведениями о положении совхозов в других уездах Воронежской губернии, но полагает, что оно было аналогичным, иначе бы их успехи широко освещали и афишировали.

Представить зримую картину, как создавались коммуны, помогают воспоминания её членов, например Н. П. Жарикова, для которого организация коммуны стала самым значительным событием в его жизни. По окончании Гражданской войны и демобилизации из Красной армии он стал работать в с. Рождественское секретарем парт. ячейки и заведующим избой-читальней – избачом. На партийном собрании после долгого обсуждения, как поднять сельское хозяйство и дать больше хлеба государству, решили организовать с/х коммуну. Для этого сначала отправили ходоков в соседнюю коммуну посмотреть на организацию её работы. После того, как увидели, и она им понравилась, обратились к руководству выделить им около 100 га пустующей земли, окруженной с одной стороны рекой, а с другой – заливным лугом. В областном управлении сельского хозяйства будущим коммунарам предложили помещичьи земли Токаревского района. «Тут же было решено всем коммунистам ячейки вступить в члены коммуны, личное хозяйство ликвидировать и внести как пай в коммуну. Лично я внёс пай 400 руб., был продан домик, больше ничего в хозяйстве не было, другие коммунисты также поступили». Коммуна была названа «Новая деревня». Коммунары восстановили разрушенные дома, постройки, стали строить новые здания, соорудили кирпичный завод. Но при использовании американского трактора Фордзон (они стали появляться в СССР с 1924 г.) не обошлось без жертвы. На этом тракторе работал комсомолец Юсенков, окончивший курсы. При переезде через канаву трактор забуксовал и опрокинулся на тракториста. Погибшего похоронили на месте трагедии.

Впоследствии в коммуне было уже 22 трактора, которые позже при организации МТС (машинно-тракторные станции) были переданы государству. Коммуна просуществовала до сплошной коллективизации и потом была реорганизована в колхоз. Автора воспоминаний для повышения квалификации отправили на учёбу в Воронежскую высшую с/х школу им. Варейкиса (ВОКМ, дело № 205, Жариков).

Заключение

Подводя итоги работы, следует отметить комплекс обстоятельств, при которых проводилась политика строительства социалистического уклада: длительные и упорные сражения Гражданской войны лишили деревню кадров идейных руководителей, рабочих рук, которые путем мобилизации вливались в армию, тем самым еще более обескровливали хозяйство; разорения от боевых действий; неблагоприятные природные факторы – засуха два года подряд в 1920, 1921 гг. В то время как некоторые крестьяне пухли от голода, другие спекулировали продуктами или переводили их на самогон.

Как показала практика тех лет, несмотря на уравнилельное распределение земли, безлошадные бедняки, не обладая достаточными ресурсами, не в состоянии были обрабатывать доставшиеся им участки примитивными орудиями труда и не имели сил вести единоличное хозяйство, а значит, быть успешными и приносить прибыль стране. В то же время экономические тяготы, острая нехватка необходимого в годы Гражданской войны стимулировали искания людей, ускоряли их переход от эгоизма мелкого собственника на новые идейные позиции, к самостоятельному выбору на основе социалистических идей.

Придя к пониманию, что выходом из создавшегося тяжелейшего положения могут стать совместные усилия в коллективных предприятиях, население в массе своей продолжало вести единоличное хозяйство. Кооперация (объединение) требует доверия людей друг к другу, знаний, опыта, и на организацию уходит много времени, энергии, труда. Крестьянам организационно тяжело было создавать социалистические предприятия без направляющей силы государства, обладающего аппаратом и ресурсами. Власть это видела и считала, что «без госуд. регулирования с/хозяйство подняться на ноги **скоро** не сможет» (Сельское хозяйство Советской России, 1922, л. 2). Для выполнения важнейшей задачи по возрождению и улучшению сельского хозяйства требуются совместные действия государства как обладающего мощными ресурсами и энтузиазм общества.

Это будет сделано позже, в 1928 г. («Великий перелом»), с переходом к плановому хозяйству, взявшему курс на индустриализацию в городе и коллективизацию в деревне.

Таким образом, первые шаги строительства социалистического уклада в деревне были сложными идейными, социально-психологическими процессами. Эти процессы отражали борьбу коллективизма в его исходных, не определившихся ещё до конца формах мелкобуржуазного индивидуализма, мещанства, эгоистических представлений. Это был первый в мировой практике опыт строительства социалистического уклада, и на пути его неизбежно совершались промахи и ошибки.

В настоящее время тема развития сельского хозяйства в России является весьма актуальной. Перспективы дальнейшего исследования будут состоять в сравнительном анализе советского периода с социалистическими коллективными хозяйствами и современной капиталистической России с агрохолдингами по параметрам: количество и качество потребляемой пищи населением, здоровье нации, демографическая ситуация. Однако, например, выводить среднюю цифру потребляемой качественной пищи на душу населения, например натуральных молочных продуктов, мяса, учитывая расслоение в обществе, надо по особой шкале. Если суммировать потребление качественной продукции граждан с высоким доходом (они могут купить очень много) и граждан с низким доходом (их средства не позволяют покупать качественные, а значит, дорогие продукты), в среднем получится необъективная картина. То есть целесообразно рассматривать по отдельности категории граждан с низкими доходами, средними, высокими доходами и не смешивать их.

Материалы исследования | Research materials

1. Беднота, не зевай. Воронежский Красный Листок. 1918. № 45. 15 августа // Воронежский областной краеведческий музей (ВОКМ).
2. Воронежская Коммуна. 1920. № 294. 28 декабря // Государственный архив Воронежской области (ГАВО).
3. Воронежский кооператор и земледелец. 1918. № 1-2 // ГАВО.
4. Воронежский кооператор и земледелец. 1919. № 1-2-3 // ГАВО.
5. ВОКМ. Архив участников ВОСР и Гражданской войны. Дело № 95. Каширина Анна Степановна.
6. ВОКМ. Дело № 205. Карточка № 51. Жариков Николай Петрович (Член КПСС с 1918 г. Воронежской область, г. Поворино, ул. К. Маркса, д. 29).
7. ГАВО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 30.
8. ГАВО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 57.
9. ГАВО. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 1.
10. ГАВО. Ф. Р-4. Оп. 3. Д. 2.
11. ГАВО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 38.
12. ГАВО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 76.
13. ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 9.
14. ГАВО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 38.
15. ГАВО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 180.
16. ГАВО. Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 24.
17. ГАВО. Ф. Р-344. Оп. 1. Д. 142.
18. ГАВО. Ф. Р-425. Оп. 1. Д. 14.
19. ГАВО. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 8.
20. ГАВО. Ф. Р-484. Оп. 1. Д. 47.
21. ГАВО. Ф. Р-484. Оп. 1. Д. 130.
22. ГАВО. Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 81.
23. ГАВО. Ф. Р-607. Оп. 1. Д. 2.
24. ГАВО. Ф. Р-653. Оп. 3. Д. 11.
25. ГАВО. Ф. Р-1997. Оп. 1. Д. 51.
26. ГАОПИВО - Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 1. Оп. 1.

27. ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2.
28. Губернский продовольственный Съезд. Воронежский Красный Листок. 1918. № 25. 23 июля // ВОКМ.
29. Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. I.
30. Кирпичев. Положение земельного дела в Воронежской губернии // Известия Острогожского Уездного Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. 1918. № 98. 12 октября.
31. Коллективные хозяйства // Наша работа (орган Воронежского губисполкома). 1921. № 1. Апрель.
32. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1962а. Т. 34.
33. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1962b. Т. 36.
34. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1963а. Т. 37.
35. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1963b. Т. 38.
36. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1963c. Т. 39.
37. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1963d. Т. 43.
38. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1965. Т. 50.
39. Макашев Н. Новая экономическая политика // Призыв. 1922. № 2 (54). 30 января.
40. Материалы губернского совещания по делам землеустройства 6 и 7 октября 1918 г. Воронеж: Воронежский Губернский Земельный Отдел, 1918.
41. Мешочничество // Воронежский Красный Листок. 1918. № 50. 22 августа.
42. Митрофанов А. Заботьтесь о завтрашнем дне. Воронежский Красный Листок. 1918. № 63. 7 сентября // ВОКМ.
43. Обзор за год // Известия Воронежского Губисполкома. 1918. № 230. 7 ноября.
44. Окнинский А. Л. Два года среди крестьян. М.: Красный путь, 1998.
45. Платонов А. Чевенгур. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1989.
46. Платонов А. Ювенильное море. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988.
47. Сельское хозяйство Советской России // Призыв. 1922. № 4 (56). 28 февраля.
48. Стройте коммуны. Спасут от разрухи только коммуны. Воронежский Красный Листок. 1918. № 64. 8 сентября // ВОКМ.
49. Хлеб // Воронежский Красный Листок. 1918. № 54. 27 августа.
50. Хлеб и деревня // Известия Острогожского Уездного Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. 1918. № 97. 11 октября.

Источники | References

1. Васильева Г. Революции победные шаги // Блокнот агитатора. 1967. № 10.
2. Войнов Е. В. Коллективно-хозяйственное движение в черноземной деревне в 1917-1922 гг.: на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний: автореф. дисс. ... к. ист. н. Курск, 2012.
3. Гришин Г. Т. Воронежская область. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1967.
4. Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М.: Институт российской истории РАН, 1997.
5. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988.
6. Переверзев А. Я. Великий Октябрь и преобразование деревни (опыт революционно-преобразующей деятельности РКП(б) в деревне Черноземного центра России, 1917-1921). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987.
7. Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917-1918). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.
8. Социально-экономические преобразования в Воронежской деревне (1917-1967) / отв. ред. А. В. Лосев. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1967.
9. Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж: Коммуна, 1930.

Информация об авторах | Author information

RU **Алексанян Нелли Арушановна¹**, к. ист. н.
¹ МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ) – филиал в г. Ставрополе

EN **Nelli Arushanovna Alexanyan¹**, PhD
¹ MIREA – Russian Technological University, Stavropol

¹ edelweis65@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.08.2026; опубликовано online (published online): 14.09.2026.

Ключевые слова (keywords): Гражданская война; социалистические преобразования в деревне; уравнительное землепользование; продовольственная политика; свободная торговля; коллективные хозяйства; Civil war; socialist transformations in the countryside; equal land use; food policy; free trade; collective farms.